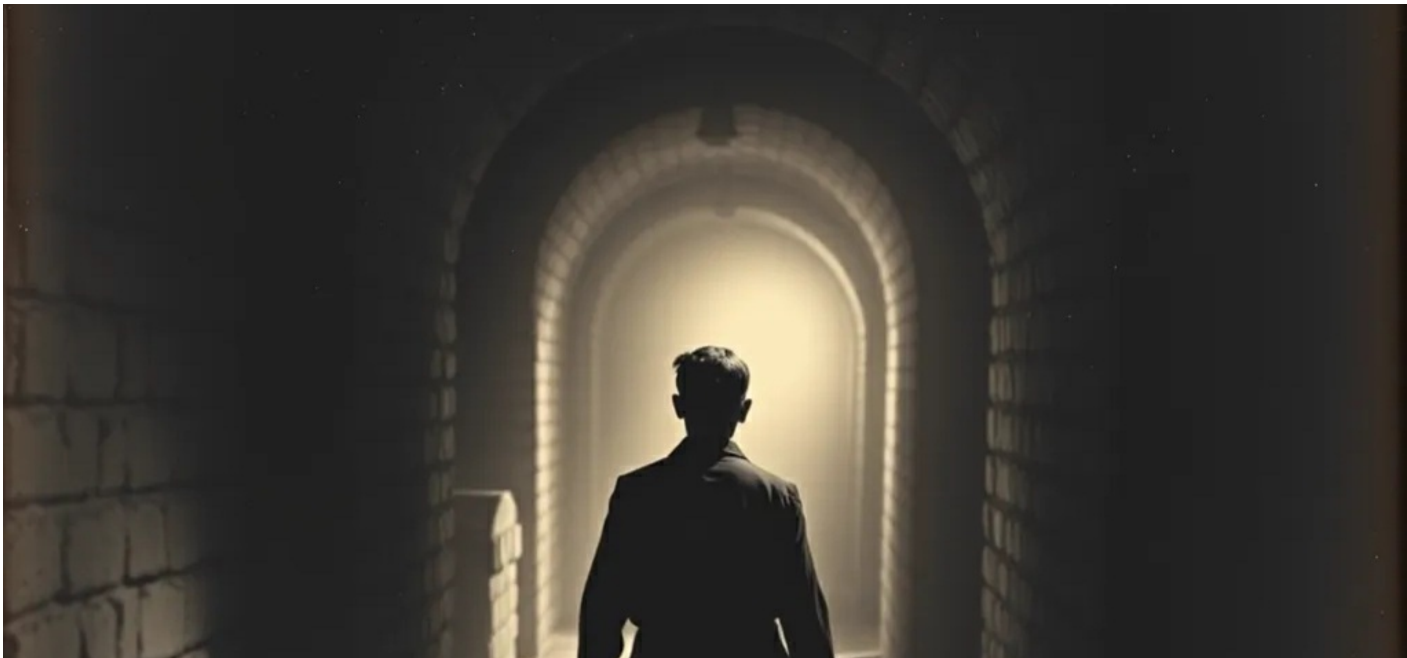
Мой брат. Повесть.

Все говорили, что я похож на моего брата. Я помню одно время, когда моя мать привязывала мне на шею красную ленточку: во-первых, потому что у меня был кашель, а во-вторых, моя мать часто повторяла: «Я не знаю, кто у меня Феофил, а кто Фёдор».

Время прошло, и ленточка мне не нужна была более — кашель прошел, и мать могла очень хорошо нас отличать друг от друга. Когда она бывало на меня посмотрит, всегда вздохнет; это меня сильно раздражало, и я обыкновенно корчил самое ужасное лицо, только из-за того, что мать моя вздохнула.

С тех пор, как я узнал историю про первых двух братьев, я хорошо понял ненависть Каина к Авелю, и так как я своему брату говорил всё, что только грубо и неприлично, то я ему высказал и моё мнение насчет этого. Он посмотрел на меня испуганно своими голубыми глазами так, что мне очень хотелось высунуть ему язык и сказать: «Ты не бойся, я тебя не убью, ты слишком для этого тряпка».

Тогда мы были еще детьми, и я не знал того, что теперь знаю, а именно: что в моем родительском доме сияло солнце и что, только благодаря мне, часто находили тучи. Я мог бы быть счастливым ребенком, если бы не мое сердце, которое впитывало в себя ненависть, зависть и которое обратило жизнь мою в какой-то ад.

Я знаю, что мой брат часто плакал, и что тогда моя мать смотрела на меня с грустью и с упреком. Этот взгляд, и кротость моего брата, и расточаемая любовь ко мне выводили меня часто из терпения.

Были минуты, когда я сам пугался того, что происходит в моем сердце. Я начал раздумывать, что мой брат гораздо лучше меня и мог бы помочь мне сделаться таким же. Но эти моменты исчезали, как звезды на темном небе, и оставляли тьму в моем беспокойном сердце.

Когда я первый раз увидел, что мать надо мной плакала, то слезы ее падали в мое сердце, как капли росы; тогда я был близок к тому, чтобы броситься к ней на шею и просить прощения. Но в

это время взгляд мой падал на Феофила, который обнимал мать, плакал вместе с ней. Тогда я втихомолку бил брата и убегал из дому, чтобы не слышать ненавистный мне плач.

Прошли года, которые казались мне цепью упреков и наказаний.

«Феофил, если ты будешь так продолжать, то ты кончишь тюрьмой. Дай Бог, чтобы я только не дожил до этого».

Я ко многому привык и многое забывал, но этих слов моего отца я никогда не забуду. Я вздрогнул всем телом от его голоса и от взгляда его очей. Было что-то такое угрожающее в нем!

Однажды мы с братом пошли в церковь. Мы вместе опустились на колени, и мне почему-то вспомнилась опять история Каина и Авеля. Мою жертву Бог не принял. И зачем Ему было принимать? Ведь все это было наружное, напоказ.

Вечером я сидел в беседке и думал совершенно о другом, не о том, о чем бы мне следовало думать…

В это время пришел брат:

— Что ты хочешь, святой Фёдор? — спросил я его.

— Сегодня утром мы были вместе, не можем ли мы и вечер провести также вдвоем? Пойдем домой.

Вместо ответа я вылил ему в лицо стакан вина, который держал в руке. Фёдор побледнел, вытер капли и вышел.

В этот вечер я должен был пить, пить и пить, чтобы заглушить мою беспокойную совесть.

Как я пришел домой — не знаю. Знаю только, что жизнь моя в отцовском доме стала мне невыносима. Больше чем слезы матери, меня угнетала любовь ко мне моего брата. Он никогда на меня не жаловался, часто прикрывал мои проступки и всегда меня защищал.

Но настало время, когда однажды моего отца принесли окровавленного и положили на кровать.

В эти дни я познал значение слова: смерть. Я прятался по углам, и все-таки часто лежал на груди умирающего отца. У него было много благословляющих слов для моего брата. Улыбку, которую он подарил Фёдору, я никогда не забуду — она как-то особенно врезалась мне в сердце. Отец никогда не мог так на меня посмотреть, с такой любовью и доверчивостью:

— Фёдор, мой дорогой сын, следи за своим братом.

Как будто я ребенок! Я со злостью отвернулся от них.

— Не оставь его, — послышалась опять просьба из уст умирающего.

— Обещай мне это, сын мой.

— Я обещаю.

Я выбежал из дому, и там, где никто не мог меня увидеть, горько заплакал.

Вскоре после смерти моего отца я покинул родительский дом. У меня не было никакого желания оставаться в нём; и хотя мой брат дал обещание никогда меня не оставлять, он должен был понять, что это обещание было напрасным.

«Ты можешь оставаться у маминого передника, а я хочу посмотреть на жизнь», — так сказал я ему при прощании.

Мать благословила меня со многими слезами, которые, как горячие капли, падали в мое сердце. Но воспоминание о моем поведении помешало мне приласкаться к ней, и я лишь сухо сказал: «До свидания, мама! Я не хуже других».

Не хуже других…

О, всемогущий Боже!

В первое время перед моими глазами стоял образ матери — как она стояла в сенях со сложенными руками и смотрела мне вслед. Но потом появились веселые товарищи, и постепенно эта картина исчезла.

От Фёдора я часто получал письма. Иногда, получив их, я прятал в карман и читал только на следующий день. Ах, я никогда не читал их с удовольствием — ведь эти письма заставляли меня думать о том, о чем так хотелось забыть. О забвение, как ты тяжело даешься!

Годы прошли. Однажды я получил письмо от брата. По обыкновению, сунул его в карман. Поздно ночью, вернувшись домой с горячей головой, я вынул письмо, разорвал серый конверт и прочел весть о смерти матери.

Мне страшно захотелось домой. Перед глазами снова встала мать — со сложенными руками и глазами, полными слез.

«Я хочу домой! Хочу увидеть могилу моей матери!»

Господин, у которого я служил, отпустил меня — видно, был рад избавиться от меня.

О, это было ужасное путешествие! Я добирался, подрабатывая, прося милостыню, а иногда и воруя…

И тогда, о всемогущий, милостивый Спаситель! «Кто ненавидит брата своего, тот — убийца, убийца сердцем», — говорит Евангелие. Убийцей сердцем я был давно, но теперь и руки мои оказались запятнаны кровью! Как это произошло? Я сам не знаю. Бог это знает.

Мы шли вместе, не зная друг друга. О, зачем он мне доверился? Он был молод, как я, красивый юноша. В его глазах были слезы, когда он рассказал, как его мать укладывала вещи:

«Самое лучшее, что она сделала — это положила мне карманное Евангелие».

Вероятно, смех сатаны действовал через меня, потому что юноша побледнел и посмотрел на меня испуганными глазами.

«Евангелие — разве это всё, что у тебя в мешке?»

Он гордо выпрямился: «Моя мать не жадная. У меня есть рубашки и чулки, которых нет у тебя, и ещё много денег».

О, зачем он это сказал? Он был так молод, невинен, не знал, что сатана может войти в человека... И сатана вошёл в меня.

Он почти не сопротивлялся, только смотрел на меня испуганными глазами…

Я хотел взять деньги у мертвого, но рука дрогнула. Быстро, торопливо я зарыл его. Деньги не смог взять — не смог! Из его мешка я взял только Евангелие и убежал.

Меня мучило, что у меня оказалась та самая книга, которую я так ненавидел. Хотел выбросить — но не посмел. Потерянное Евангелие могло выдать меня.

Моя мать всегда говорила, что Божья книга имеет глаза и голос. Я вырвал из книги имя и фамилию, но саму книгу оставил у себя. Она со мной до сих пор, но теперь имеет для меня совсем иное значение.

Так я пришёл на могилы родителей — окровавленный разбойник. Я не мог плакать, хотя сердце было изранено. Не смог закричать. Боялся теней на могилах — но это были лишь тени деревьев.

Страшно испугался, услышав за спиной шаги — но это прошли мимо дети.

Не знаю, сколько времени я так просидел знаю только то, что вдруг брат мой оказался рядом со мной. Любовь светилась в его глазах, когда он простёр ко мне свои руки.

Я отвернул лицо — не было приязни в моём сердце к брату. Но он оказался сильнее меня. Он заставил меня пойти домой.

Три дня мы были вместе…

Вскоре по деревне разнеслась весть об убийстве, и скоро нашли убитого. Кто был убийца? Разве не все глаза устремлялись на меня? Разве не было кровавых следов на мне — на моей куртке, на руках? Ах, какие глупости!

- Фёдор, что ты на меня так смотришь?

— Я вовсе не смотрю на тебя, Феофил. Будь спокоен, прошу тебя! Что так гнетёт тебя, мой бедный брат?

Он хотел положить руку мне на плечо, но я грубо оттолкнул его.

— Я не выношу тебя! — вскричал я. — Я должен уйти сегодня же... Я ненавижу тебя!

Я был не в своем уме и не понимал, что говорил.

Когда солнце зашло, окрасив небо кровавым светом, к нашему дому подошли два жандарма. Я хотел закричать — но не смог; хотел бежать — но остался на месте, будто прикованный. Я покорно позволил сделать с собой всё.

«Феофил, если ты будешь так продолжать, то кончишь в тюрьме» — слова отца сбылись. Думаю, Фёдор думал то же, ведь он побледнел как стена. Когда дверь закрылась за мной и моими

конвоирами, я услышал, как из его груди вырвался вопль…

Приговорён к смерти! Значит, я действительно убийца. Удивительно — можно знать это, но не осознавать. Сатана умеет делать так, что даже самые ужасные поступки кажутся нестрашными. Даже смертный приговор я воспринял как что-то нереальное.

Всего одна ночь отделяла меня от смерти. Сердце сжималось от боли, но я всё ещё не хотел смириться. Решил встретить смерть таким, каков я есть. Упрямо отказал человеку, предлагавшему помочь мне встретиться с Богом лицом к лицу.

«Благодарю вас, господин проповедник, за вашу заботу» — сказал я холодно и насмешливо. Это был почтенный старец с седыми волосами. В его глазах блестели слёзы, когда он отвернулся и вышел.

Сгустились сумерки. В камере стало невыносимо тоскливо. «Спасение» — как часто я слышал это слово, пропуская мимо ушей! Душевное спасение — самое ненавистное для упрямого грешника. Но в одиночестве, в кромешной тьме последнего вечера…

О, Всемогущий Боже! Нет! Нет! Я не стану плакать, как женщина! Встречу смерть твёрдо, как мужчина!

И всё же: «Спасение...» — простонал я. Никто не услышал. «Спасение, Боже мой, спасение...»

Я услышал шаги, и ключ повернулся в замке. Походку старого тюремщика я знал хорошо, но на этот раз он пришёл не один. Может быть, это проповедник вернулся, чтобы указать мне на Того, Кто может спасти?

Тяжёлая дверь медленно открылась — на пороге стоял высокий мужчина. О, в этот миг я не мог ненавидеть своего брата!

— Фёдор, брат мой! — вскричал я. (До сих пор вижу, как улыбка озарила его доброе лицо). Он вбежал в камеру, обнял меня, прижал к груди и горько заплакал.

Тюремщик что-то пробурчал и вышел своей твёрдой походкой, но перед тем как закрыть дверь, сказал:

— Только полчаса!

— Не будьте так пунктуальны, господин Абель. Ведь это последний раз, — ответил брат.

Дверь закрылась, и мы остались одни.

Я хотел что-то сказать, но голос предательски дрогнул.

— Феофил, — брат взял меня за руку, — ты должен жить!

— Жить?! — воскликнул я. — Меня разве помиловали?

— Нет, Феофил, не то... Ты уйдёшь, а я останусь.

Не знаю, что произошло в моём сердце в тот миг, но я вдруг рассмеялся:

— Ты хочешь остаться здесь? Умереть как Феофил-разбойник, а я... я буду жить как Федор-святой? Ты серьёзно?!

Я схватил его за руку.

— Вполне серьёзно. А теперь давай свою одежду, вот тебе моя.

Я отшвырнул его руку:

— Этого не может быть!

— Но так должно быть, Феофил. Я могу умереть, ибо знаю — мой Искупитель жив.

— Но я хочу умереть! — закричал я. — Всю жизнь ненавидел тебя! Ты не должен умирать, я не приму жизнь по милости!

Луна стояла прямо напротив моего окна, и её лучи освещали доброе лицо брата. О, мой брат!

«Время идёт, — сказал Фёдор после долгой паузы. — Знаешь ли ты, что значит умереть без Бога?»

Луна светила ещё ярче, и во мне вдруг возникло желание в последний раз увидеть улицу, взглянуть на Божий мир. Ещё один раз — и потом…

«Федор, — прошептал я, — ты слишком добр. Бог видит — я не заслужил от тебя ничего хорошего. Ты не должен умирать за меня. Но можешь подарить мне ещё одну ночь... Я уйду, но завтра ровно в 8 утра вернусь. Тюремщик будет ругаться, но всё равно — завтра в 10 часов мне отрубят голову.»

Брат молчал. Мы поменялись одеждой.

«Поцелуй меня», — попросил он, когда услышали шаги тюремщика. Я поцеловал его.

«Пусть Иисус спасёт твою душу.»

Я не мог вымолвить ни слова.

В дверях я обернулся в последний раз. Он кивнул мне... и улыбнулся.

Я шёл по освещённым улицам, не зная куда, пока взгляд не упал на братскую куртку. В кармане торчал знакомый ключ. Я мог провести последнюю ночь в родительском доме.

Дом встретил меня ледяным молчанием. Лишь стенные часы тикали в тишине, а на столе, как я разглядел при лунном свете, лежала отцовская Библия.

Вероятно, Фёдор читал её перед тем, как идти ко мне. Я положил руку на Священную Книгу — и тут же отдернул её. В этот миг я окончательно понял: я — убийца.

Мне послышался слабый крик того красивого юноши, я увидел кровь на его светлых волосах. Луна скрылась за тучами, и в комнате стало так темно, что я ничего не мог разглядеть — лишь страницы Библии белели в темноте, а из мрака на меня смотрели детские голубые глаза убитого.

Я метался по комнате.

— Свет! — простонал я.

На стене висела спичечница. Я взял спичку и зажег лампу.

Дрожащими руками я поставил лампу на стол, где лежала Библия.

— Исайя... — прочел я.

Ах да, этот пророк предсказывает несчастья. Лучше бы не читать то, что читал брат. Но я всё же наклонился и увидел строки, подчеркнутые красным карандашом:

«Тогда придите — и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю» (Исаия 1:18).

Красны — убелю.

— Фёдор! Брат мой! Это ты для меня приготовил…

Красны — убелю.

Это для меня! Для меня!

Всю ночь я провёл в муках. Когда луна выходила из-за туч, комната озарялась призрачным светом.

На рассвете я сел и написал брату длинное письмо — письмо боли и раскаяния, но также любви и благодарности. Он найдёт его в кармане этой куртки, когда меня уже не будет в живых.

О, мой брат!

Время за письмом пролетело незаметно. Часы на башне пробили семь, когда я опустил письмо в карман.

Теперь — скорее назад в тюрьму! А затем... на эшафот!

Но нет — прежде нужно молиться.

Там, где стоял гроб моего отца, я распростёрся во прахе перед Богом.

Что это?! С башни донеслись три удара — (о, даже теперь в тишине мне слышатся эти звуки). Без четверти восемь. Меня охватил необъяснимый ужас.

«Федор, Федор, я иду!»

Я бежал по улицам. Люди шарахались от меня — они не знали, кто я, принимая за Федора, которого никогда не могли отличить от меня.

Наконец я остановился у тюрьмы. Дрожащей рукой открыл дверь — как раз когда часы пробили восемь. Почему на улице было так много людей? Почему все так смотрели на меня? У ворот жандармы оттолкнули меня:

— Нет, туда нельзя!

— Я должен войти! Ведь я…

— Назад! Вы не можете видеть брата — они уже там.

— Кто там? Кто?! — закричал я. — Ведь это я! Я — разбойник!

Не помню, как оказался в тюрьме перед телом убитого брата. Палач пытался спрятать окровавленное оружие, но я его увидел.

— Это я! Я! Он же ничего дурного не сделал! Был кроток, как овца! О, Фёдор, брат мой! Я заслужил смерть, а ты умер за меня!

Меня помиловали, хотя я умолял лишить меня жизни. Видимо, моё горе было так велико, что даже судья прослезился.

— Нет, достаточно одной жертвы, — так я и остался жить.

На похоронах брата собрался весь город. Я шёл последним в этой печальной процессии. Слышал, как многие плакали — только я не мог проронить ни слезинки.

На могиле звучали знакомые слова о любви, что полагает жизнь за друзей своих.

Когда я вернулся домой, у меня было состояние близкое к помешательству. В беспокойстве я ходил по знакомым комнатам. Пыль покрывала мебель, а мне чудился запах крови. Со всех углов на меня смотрели глаза — одни с грустью, другие с укором. На столе по-прежнему лежала раскрытая Библия.

«Красны — убелю».

— Нет! Нет! — Я захлопнул книгу и отшвырнул её.

«Красны!» — Я вздрогнул, теперь-то я точно знал, что значит иметь «красные» грехи и окровавленные руки!

Я вошёл в комнату, где лежал топор.

«Красны!» Почему бы не взять этот топор и не покончить с собой? Тогда я был бы свободен!

Но взгляд упал на кровать брата, над которой висела его любимая картина: Христос в терновом венце.

Я перевернул её лицом к стене, оставив видимой лишь серую подложку.

Не услышал, как открылась дверь.

— Почему вы это делаете, мой друг?

Я вздрогнул — голос показался мне голосом умершего.

— Я не могу смотреть на эту кровь…

Обернувшись, я увидел человека с седыми волосами. В его взгляде было то же, что и в глазах моего брата, когда тот пришёл умирать за меня.

— Зачем вы пришли, господин проповедник? — спросил я дрожащим голосом.

— Потому что ты нуждаешься во мне, бедный Феофил.

— Зачем меня освободили? Это неправильно! Я требую казни, я не хочу жить!

— Он умер за тебя, и потому никто не вправе казнить тебя. Ты должен жить.

Я замолчал, наблюдая, как старик возвращает картину на место…

Мне пришлось сесть и слушать историю, которую я не хотел слышать. Эту знакомую историю я вроде бы знал, но по-настоящему не понимал — историю о крови и ранах Мученика, Агнца Божьего, взявшего на Себя грехи мира.

Потом я соскользнул со стула, упал на колени перед кроватью брата, уткнулся лицом в его подушки, чтобы не видеть окровавленного лика на картине, но мог слышать:

— Слава Христу, Который может сделать але́ые грехи белыми, убелить, как волну, Своей кровью!

Сколько я воспринял в тот день из Евангелия — не передать. Затем наступили дни искушений, когда сатана пытался довести меня до состояния Иуды. Но какая-то сила вставала между мной и пропастью. Я познал то, о чём Давид писал в 39-м псалме:

«Он преклонился ко мне и услышал вопль мой, извлёк меня из страшного рва, из тинистого болота, и поставил на камне ноги мои»

Аллилуйя! Что за Спаситель!

Люди отнеслись ко мне лучше, чем я заслужил. Ожидал, что будут сторониться, смотреть с упрёком на убийцу — но вышло наоборот. Они доверились моему обращению.

Позже я заметил, что эти же люди иначе относились к другим. На вопрос «почему?» ответ был неясен, но суть одна: жертва брата тронула сердца, и они не могли не верить мне. Зная, что я пережил, поддерживали братской любовью.

— Лишь сатана остался холоден ко всему, — сказал мне однажды пожилой господин.

Да, только сатана! Но с тех пор, как я принял и поверил, что Иисус умер за мои грехи и за грехи всего мира, я часто размышляю: как мог сатана остаться равнодушным к Нему?

Конечно, я — величайший грешник — не могу поступать иначе, как с братской любовью искать других грешников, чтобы привести их к Спасителю. Мне довелось перенести много обид, но я понял: Иисус может спасти даже таких, как я.

Удивительно, но люди, считавшие себя праведниками, не хотели верить им, а мне поверили — ради моего брата. Когда я поделился этим с моим духовным наставником, он глубоко вздохнул:

— О Господи! Ты и сегодня ненавидим многими. Даже последователи Твои отворачиваются, не понимая Твоей мысли о бесконечной братской любви!

Эти слова болью врезались в моё сердце.

Но я иду вперёд, взирая на Начальника и Совершителя веры. В Нём я обрёл всё. Следуя за Ним, я не спотыкаюсь. Его силой я могу нести Его любовь, и многие, блуждающие во тьме, увидели свет.

(Конец повести)

Журнал "Христианин" № 5, № 6, № 7 - 1909 год

Комментарии
